

— Что значат эти два стеганные мешочка с подвязками? — спросил я.

— Это икры моего господина, — отвечал лакей.

— А это что за череп?

— Это его волосы.

— А эти кости?

— Это его зубы.

— На что же эти краски на столике, между щетками, пудрою и помадой?

— Это цвет лица моего барина.

— Хорошо! — сказал я с насмешкою. — У него нет ни тела, ни души.

— Извините, — отвечал камердинер, — у него три тысячи душ; это важнее, нежели одна своя».

В. П. ВЛАДИМИРЦЕВ

ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

Беглые фольклорные цитаты

1. **«Хозяйка»**. «... жили двенадцать братьев в темном лесу и как заблудилась в том лесу красная девица» (1, 276). «Сказка» восходит к волшебнo-сказочному сюжету, известному под названием «Мертвая царевна, или «Спящая красавица». См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 179. По обычной версии сказки, «братья» являются разбойниками. В том и состоит тайный смысл ответа Катерины своему жильцу, что она каким-то образом причастна к «разбойничьим» ватагам волжской вольницы (ср.: «... говорят про темные леса, про каких-то лихих разбойников (<...> про одну красную девицу и про Волгу-матушку» 1, 280). «Сказка» Катерины — единственное в художественном творчестве Достоевского, вплоть до «Братьев Карамазовых» (Грушенькина сказка про луковку), цельное изложение народного сказочного сюжета, идентичное фольклорным подлинникам. 2. **«Ползунков»**. Прямым заимствованием из фольклорного быта средних городских сословий является, в ряде случаев, поговорочная фразеология Ползункова. Его реплика (из флирта с Марьей Федосеевной) «ох, болит! что болит? — сердце; по ком?» (2, 12) имеется — причем слово в слово, с этнографической пометой «игра» — в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1955. Т. 2. С. 774) и есть не что иное, как сопроводительная текстовая формула комнатной игры в «фанты» (см.: Игры для всех возрастов. СПб., 1844. Ч. 2. Гл. IX, XIV). Ссылка на игру дана и у Достоевского: «фанты пошли» (2, 12). 3. **«Село Степанчиково и его обита-**

тели». 1) «... и вы по-французски: „та-та-та! та-та-та! вышла кошка за кота!“...» (3, 25). Источник рифмованной пародии на дворянское увлечение французским языком — две начальные строки детской, певшейся нянями речитативной песенки-потешки (Бессонов П. А. Детские песни. М., 1868. С. 13; Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии // Нижегородский сб. 1871. Т. 4. С. 206—207). П. В. Шейн, записавший эту песню в Туле и Москве, поясняет: «... поющая держит ребенка на коленях, сидит у стола и при каждом слове ударяет в такт: „Тра-та-та, тра-та-та, / Вышла кошка за кота!“» (Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 13). 2) Лакей Григорий Видоплясов заслуживает у дворовых мальчишек «всякие дурные слова» (3, 162). Одно из них: «Гришка-голанец съел померанец» (там же) — представляет собой рифмованное присловье к собственному имени, прибауточную дразнилку, народную эпиграмму, «красное словцо» — продукт детского сатирического фольклора (см.: *Виноградов Г.* Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925). Присловье отсутствует в фольклорных публикациях и, очевидно, не зафиксировано никем, кроме Достоевского. «Голанец» — голландец, «померанец» — апельсин (от гол. *appelsien*), как поясняет синхронный с той эпохой «Толковый словарь...» В. И. Даля (Т. 3. С. 271). 4. **«Подросток»**. 1) «Деньги хоть не бог, а всё же полбога...» (13, 311). Народная поговорка. Не исключено, что заимствована Достоевским из поговорочного свода «Толкового словаря...» В. И. Даля (Т. 1. С. 428). Современный вариант: «Деньги хоть и не бог, но не ниже бога» (запись В. П. Владимирцева). 2) «... и пошел причитать: „Матушка моя родимая, и зачем же ты меня, такого горького пьяницу, на свет произвела? А и лучше б ты меня, такого горького пьяницу, на роду придавила!“» (13, 314). Отрывок из причитаний (причетов) пьяниц (см. указание на этот вид народных плачей: *Симони П.* Программа для собирания пословиц, поговорок, острот, загадок и т. д. // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 118). Ближайший фольклорный источник — старинная песня «Горемыкин. Побег за Дунай»: «Мамушка моя, родимая мамушка! / Зачем ты меня, горького пьяницу, на свет породила? / Лучше б ты меня на роду придавила, / Чем меня на свет пустила!» (Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1874. Вып. 10. С. 101). Текстуально сближается также с мотивами «Плача об упьянсливой головушке» И. А. Федосовой: «Лучше матушка меня не породила бы» (Причитанья Северного края, собр. Е. В. Барсовым. М., 1872. Ч. 1. С. 274). 5. **«Братья Карамазовы»**. «Ах поехал Ванька в Питер, / Я не буду его ждать...» (15, 59 и др.). Начальное двуступное из народной четырехстрочной женской частушки 70—80-х гг. XIX в. Одна из первых в русской литературе записей частушечной поэзии. Наиболее вероятное заключительное двуступное реконструируется следующим образом: «Куплю краснова на платье — / Буду с девушкам гулять» (*Симаков В. И.* Сборник деревенских частушек Архангельской... Псковской, Новгородской, Пестербургской губерний. Ярославль, 1913. Стб. 482).

¹ *Булгарин Ф.* Иван Выжигин. СПб., 1830. Ч. 2. С. 37, 41.

1. **«Бедные люди».** Из письма Добрословой от 25 апреля: «...вчера, когда ходила на Волково к матушке панихиду служить. (...) Ах, бедная, бедная моя матушка, если б ты встала из гроба...» (1, 25). Это событие — родительская панихида на Волковом кладбище — календарно точно прикреплено Достоевским к 1845 г. Варвара Алексеевна поминая покойную мать в родительский день (радунница, вешние поминки, т. е. девятый после Пасхи день, вторник Фоминой недели), который за период с 1800 по 1850 г. только раз пришелся на 24 апреля, а именно в 1845 г. (Пернер М. И. Хронологический справочник (XIX и XX века). Л., 1984. С. 26–28). «Вчерашник», в связи с панихидой на Волковом, построения Вареньки сохраняются в плаче-причитании ее письма: «Ах, бедная моя матушка...» (Владимирцев В. П. Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману «Бедные люди» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 83).

2. **«Петербургская летопись».** «Когда на улицах начали продавать печеных жаворонков, его похоронили» (18, 112). Похороны состоялись в марте, около 9-го (день сорока мучеников) или 25-го (Благовещенье) числа. К этим дням приготавливали «печеных жаворонков» — обрядовое печенье из теста, формованное под изображения птиц. Ср. у В. И. Даля: «...испеченные из теста в виде птичек булочки ко дню 40 мучеников, 9 марта» (Толковый словарь... Т. 1. С. 524). Мартовскими «жаворонками» призвали весну: Пропи В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 31–34; Соколова В. К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов: XIX—начало XX в. М., 1979. С. 67–82 (фотоснимки «жаворонков»).

3. **«Чужая жена и муж под кроватью».** «...кукла я у девочки видел нюрнбергскую...» (2, 74). Нюрнберг (земля Бавария в Германии) — один из крупных центров декоративно-прикладного искусства в Западной Европе. В конце XVIII—начале XIX в. баварские ремесленники поставляли в Россию, в Петербург, деревянные кукол в русских национальных костюмах (Ortmann E. Zinnfiguren einst und jetzt. Leipzig, 1977. S. 168). Ср.: «Русские оптовые торговцы привыкли ездить 1—2 раза в год в Нюрнберг (...) за игрушками...» (Оршанский Л. Исторический очерк развития игрушки и игрушечного производства на Западе и в России // Игрушка и ее значение. М., 1912. С. 61). «Нюрнбергские куклы» были доступны лишь детям из привилегированных сословий, богатей.

4. **Сибирская тетрадь.** «О бродягах, фальшивые деньги, мужики убивают их» (4, 270). В своем исследовании «Ссылное бродячее население Сибири» (см. его книгу «Русская община в тюрьме и ссылке». СПб., 1872) Н. М. Ядринцев писал: «Монетки в Сибири пользуются большой популярностью...»; «Остроги издавна славятся выпуском фальшивых денег»; «...ссылные по всей Сибири занимаются производством фальшивых ассигнаций и монет и свое искусство сумели передать местным жителям» (С. 475, 623). Н. М. Ядринцев, который, вслед за Ф. М. Достоевским, отбывал каторгу в Омской военно-каторжной тюрьме, собрал там множество рассказов и сведений о бро-

дьягах-фальшивомонетчиках (там же. С. 469—479, 497—499); они были известны и автору «Записок из Мертвого дома». 5. **«Униженные и оскорбленные».** «Ишь, шампанское называется! На кислые щи похоже» (3, 275). Имеется в виду домашний столовый игристый напиток, именовавшийся кислыми щами. См. у В. И. Даля: «Кислые щи, род кваса с игрою»; «Кислые щи, род шипучего кваса» (Толковый словарь... Т. 2. С. 110; Т. 4. С. 657). 6. **«Село Степанчиково и его обитатели».** 1) «...генеральша вдруг, ни с того ни с сего, покатится на диване в обморок» (3, 10). Из нравов «екатерининской» старины: «Обмороки в это время вошли в большую моду, и последние существовали различных названий: так, были обмороки Дидоны, капризы Медеи, спазмы Нины, вапёры Омфалы, „обморок кстати“, обморок коловратности и проч. и проч.» (Пыляев М. И. Старое житье: Очерки и рассказы о бывших в отшедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. 2-е изд. СПб., 1897. С. 82). 2) «Завтра Ильи-пророка (господин Бахчевеев перекрестился): Илюша, сынок-то дядюшкин, именинник. (...) будет Ильин день...» (3, 27). По народному месяцеслову, Ильин день, или праздник Ильи-громовника (20 июля ст. ст., 2 августа н. ст.) — «страшный праздник» (Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Зап. Рус. геогр. об-ва по отд-нию этнографии. СПб., 1913. Т. 34. С. 97). Ср.: «Илья начинает преследовать чертей, и те прячутся куда попало. Если человек не оградился крестом, дьявол залезет и в него, и тогда человек легко может быть убит молнией» (Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1890. Вып. 2. С. 126).

7. **«Преступление и наказание».** 1) «Страшный сон приснился Раскольникову. (...) в большую такую телегу впряжена была (...) саврасая крестьянская клячка (...) бедную лошадку... убили!» (6, 46—49). По народным снотолкованиям, видеть во сне лошадь, телегу — плохое, мрачное предзнаменование, так называемый «дурной сон». Ср.: «Лошадь во сне видеть — свидание с недругом: „Лошадь — ворог“» (Балов В. А. Очерки Пошехонья: Верования // Этногр. обозрение. 1901. № 4. С. 108); «Лошадь — ложь» (Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края / Собранные и изданные П. В. Шейном. СПб., 1902. Т. 3. С. 339); «Телегу во сне видеть и на ней ехать — значит смерть» (Сонник, или Истолкователь снов. М., 1868. С. 62). «Телега — смерть» (Полнейший сонник и истолкователь различных примет / Составлен Л. П. СПб., 1873. С. 43). «Ворог», «враг» — одно из устойчивых названий, которые носил в народе черт, бес (Балов В. А. Очерки Пошехонья. С. 80; Даль В. И. Толковый словарь... Т. 1. С. 243). Народная сновидческая символика многократно обыграна Достоевским в художественном целом — системе романа. 2) «...и вдруг на простыню выскочила мышь» (6, 390). Явление мыши Свидригайлову (посещение мышью) — роковое предзнаменование, знак беды (смерти). Ср.: «Если мышь попадет за пазуху, то быть большой бедо» (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 2. С. 367); «Если на человека

прыгнет мышь или ночью забежит к нему под одежду или в волоса — к большому несчастью (к болезни его самого или к смерти кого-либо из близких родственников)» (*Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края: Этнографический очерк // Зап. Зап.-Сибирского отдела Рус. геогр. об-ва. Омск, 1903. Кн. 30. С. 184). 8. «**Вечный муж**». «... играть в пословицы...». Далее — правила игры и игровое действие (9, 74, 77). В 1844 г. в Петербурге вышла, без указания имени составителя, книга «Игры для всех возрастов», отпечатанная «в типографии военно-учебных заведений». Наряду с народными (кубарь, свайка, «просо сеять» и т. п.) сюда вошли игры из западноевропейского оборота, прижившиеся на русской почве. Некоторые из них, по праву бытового материала, оказались вовлеченными в поэтический состав произведений Достоевского: «фанты» («Ползунков» — 2, 12; «Игры для всех возрастов». С. 32—53, 181—191), «волан» («Нечочка Незванова» — 2, 199, 200; «Игры...» С. 116—117), «исповедь», «откровенность», «каяться» («пети-жѣ» в романе «Идиот»; «Игры...» С. 193), наконец, «пословицы» («Игры...» С. 170—180). Игра в пословицы на даче Захлебниных — редкий ее вариант, не описанный в издававшихся в России игровых наставлениях. См. также: *Канаев А.* Игра в пословицы. СПб., 1900; *Радецкий В.* Во что играть? 25 комнатных игр для всех возрастов. СПб.; М., 1913. С. 26—27. 9. «Бесы». 1) «... со своею бирюзовою мухой на лбу...» (10, 49). По «Реестру о мушках» («что значит какая мушка, на каком месте») и «Реестру о цветах», известным в России XVIII—XIX вв. по лубочным картинкам, мушка «среди лба» символизировала «знак любви», а бирюзовый цвет «постоянство» (Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881. Кн. 1. С. 456). Мода «лепиться мушками» преследовала практические цели: «Эти мушки представляли прекрасному полу возможность вести безмолвные разговоры со своими обожателями» (там же. Кн. 5. С. 51). 2) Внешние данные «Петруши» Верховенского обрисованы в духе «умышленной» нарочитости: «Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький...» (10, 143). Даже язык Петра Степановича, «необыкновенно длинный и тонкий», имел «чрезвычайно вострый, непрерывно и невольно вертящийся кончик» (10, 144). По русскому демонологическому уставу, народным понятиям о том, как выглядят «бессы», «Петруше» полагался «вострый» лик. В лубочных и иконописных материалах черт изображается непременно остроголовым, с вытянутой шишкой головой и с торчащим из рта длинным острым языком (*Толстой Н. И.* Из заметок по славянской демонологии: 2. Каков облик дьявольский? // Народная граюра и фольклор в России XVII—XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). М., 1976. С. 288—319). Заостренные, как бы колющиеся линии — канонизированный атрибут дьявольского облика и в общехристианской демонологии. 3) «... комната (...) с мифологическими ужасными литографиями на стенах...» (10, 492). Речь идет о народных лубочных картинках на сюжет о Страшном

суде. См. также запись Достоевского к роману «Идиот»: «Тот свет. Представление того света, картинка. „Кого я встречу“» (9, 223). Собственно «мифологическими ужасными литографиями» («картинки» печатались и литографским способом — отсюда их синонимичное название) являются «картинки», живописующие «образ Страшного суда Божия». Наибольший «ужас» внушали человеку изображения «ада зубатого», «адовой пасти на Страшном суде» (Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881. Кн. 1. С. 391—397; Кн. 3. С. 545; Кн. 4. С. 640, 647). Этот мотив народной эсхатологии присутствует в предсмертных сновидениях отходящего на «тот свет» Степана Трофимовича: «... видит во сне какую-то раскрытую челюсть с зубами...» (10, 492). Русские лубочные картинки, несомненно, были одним из фольклорно-этнографических источников творчества Достоевского. Возможно, «мифологические ужасные литографии» на стенах избы, где несчастью получил последний приют Степан Трофимович, пришли на память Достоевскому-художнику не без воздействия семипалатинских впечатлений: во времена своей солдатчины он занимал в «хате» комнату, на стенах которой помещались «там и сям лубочные картинки, засаленные и засиженные мухами» (*Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—56 гг. СПб., 1912. С. 24). 10. *Дневник писателя за 1876 год. «Да народ (...) лепечет какой-то вздор про святую пятницу и про Фрола и Лавра»* (22, 113). Смешанный язычески-христианский культ женского полудемонического божества «матушки-Пятницы» был распространен в крестьянских массах России и вызывал озабоченность среди деятелей ортодоксальной церкви (см.: *Червинский А.* К вопросу о суеверном почитании народом пятницы // Земский сборник Черниговской губернии. Чернигов, 1900. № 4. С. 95—104). По пятничным дням возбранялось вести основные сельскохозяйственные и некоторые домашние работы, чтобы не навредить «матушке-Пятнице». Почитание пятницы полагалось верным средством против несчастий и болезней. Суеверные боялись умереть в пятницу, так как считали, что скончавшегося в этот день ждали немилости на том свете (*Семенова О. П.* Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан... // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 229). Бытовали народные легенды о том, как непочтившие пятницу были ею наказаны (одна из них под № 13 приведена в известном сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды»). Суеверно-почтительное отношение к пятнице закрепилось фразеологически в языке: «Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться»; «А нешто знает собака пятницу?» (*Даль В. И.* Толковый словарь... Т. 3. С. 553—554). День памяти святой Параскевы-Пятницы отмечался 28 октября по ст. ст. День мучеников Фрола и Лавра отмечался 18 августа по ст. ст. Крестьянин повсеместно праздновал его как «лошадиный праздник», день охранительной «конной мольбы» (*Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 448—451). «Фролы» уходили корнями в дохристианские скотоводческие культы и не числились в календаре табельных церковных праздничных дат. Достоевский, если исходить из его дискуссии с

В. Г. Авсеенко, отказывался видеть в почитании «святой пятницы» и «лошадиного праздника» исключительно продукт грубого народного невежества и находил возможным усматривать «под пятницами, жупелами и под грязным народным невежеством» некую изначальную духовную приверженность народа к «чистой вере, огню религии» (24, 192).

«Словечки»

1. «Село Степанчиково и его обитатели». «...физик какой-то!» (3, 25). Достоевский извлек слово «физик», понимаемое в петрадиционном, бранном смысле, из речевого быта арестантов и каторжников. В преступном, уголовном мире «физиками» называли (и, по видимому, обзывали, бранили) «чужих», «несвоих» (см.: Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / Составил по новейшим данным С. М. Потапов. М., 1927. С. 172). 2. «Бесы». «Кулики!» (10, 110). В северо-западной культурно-бытовой традиции кулики — ряженые, закрывшие лица платком-маской (см.: Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16. С. 66, запись 1854 г. в Повгородской губернии; словарная статья «Кулик» в Толковом словаре...» Даля, с той же территориальной пометой). О судьбе диалектизма и понятия «кулики» в творчестве Достоевского см. также: Владимирцев В. П. Кто такие «адмирал Чаинский» и «кулики» у Ф. М. Достоевского // Рус. речь. 1986. № 2. С. 30—34. 3. «Подросток». «На крючок!» (13, 220). В кабаках Петербурга крючком называлась мера вина, водки (Словарь русских народных говоров. Л., 1979. Вып. 15. С. 361): «при откупах, чарка, на ручке крючком, висела на ендове, и покупатель сам черпал» (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 2. С. 208). 4. «Братья Карамазовы». 1) «Карп с винтом» (14, 92). Из арестантских прозвищ. Означает — «беглый». «Винт» на арестантском жаргоне прошлого — побег арестованного (Попов В. М. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912. С. 23). 2) «Езоп» (14, 129). Домашнее прозвище Карамазова-старшего, с неким уничижительным смыслом. Впервые «словечко» встречается у Достоевского в путевых зарисовках 1874 г. «Маленькие картинки»: «...пробуду у этих езопов еще месяц...» (21, 176). Слово «езоп» не попало в Толковый словарь...» Даля. Между тем по свидетельству от 1872 г. оно бытовало в Новгородской и Владимирской губерниях: «Езоп — человек грубый, безобразный» (Бычков А. Ф. Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности АН. СПб., 1872. Т. 8. С. XV). «Словарь русских народных говоров» (Л., 1972. Вып. 8. С. 332—333) отмечает, что слово «езоп» употреблялось также в Тверской, Ярославской и Нижегородской губерниях с основным значением: «глупый человек, дурак».

ТОПОГРАФИЯ «УНИЖЕННЫХ И ОСКОРБЛЕННЫХ»

К топографии «Униженных и оскорбленных» исследователи почти не обращались. Попробуем определить прообразы домов главных героев романа. Центр действия — Вознесенский проспект близ Марининской площади. Пройдем некоторыми маршрутами героев романа. Иван Петрович, идя по Вознесенскому проспекту, на противоположном тротуаре видит старика с собакой. Привлеченный их необычным, гофмановским видом, Иван Петрович следует за ними, попадает в кондитерскую, становится свидетелем смерти Азорки. Покинув кондитерскую вслед за стариком, он видит, как тот умирает тут же поблизости, слышит его последние слова.

В романе кондитерская обозначается как кондитерская Миллера. Фамилия Миллер была в то время весьма распространенной среди немецкого населения столицы. В Петербурге были табачная и кожевенная фабрики Миллера. Немцы составляли около двух процентов населения города; селились они, как правило, в Адмиралтейской, Казанской и Литейной частях. Иностранцам, в том числе немцам, принадлежало до тридцати процентов булочных и кондитерских. Только булочников с этой фамилией в 1849 г. насчитывалось восемь в разных частях города. Не одна была в городе и кондитерская Миллера: на Литейной, Торговой и Гороховой улицах. Вспомним, что у Торгового моста в романе жила графиня Зинаида Федоровна, на Литейной — Наташа с Алешей, а на Гороховой — Смит.

Известно, что купец Адам Иванович Миллер владел домами на Васильевской острове: на 2-й линии и на Песочной улице у Большого проспекта. На углу Большого проспекта и Песочной в доме Соловья Достоевский жил с ноября 1846 по февраль 1847 г. Имя и отчество — Адам Иванович, тоже весьма распространенные, всплывают в сочетании с фамилией Шульца в кондитерской Миллера: это «приезжий гость, купец из Риги». В этом районе была кондитерская Шульца на углу Вознесенского и Большой Морской, в доме Калгина. Здесь, у Синего моста, в доме Калгина жили Майковы (28, 146), и Федор Михайлович бывал у них в гостях. И здесь, в доме Шилия на углу Малой Морской и Вознесенского, он был арестован.

Во Второй роте Измайловского полка существовал деревнянский дом булочного мастера Ивана Ивановича Шульца. Неподалеку, в Третьей роте в доме Палибина Федор Михайлович жил в период работы над «Униженными и оскорбленными». Кроме того, в Глухом переулке на Васильевском острове был дом Христины Ивановны Шульца, а напротив стоял дом Федора Карловича Кригера. Его тезка, Федор Карлович Кригер, «добродетельный немец», — еще один посетитель той же кондитерской.

Эта кондитерская в романе не вполне соответствует реальной кондитерской, находившейся на углу Вознесенского проспекта и Глухого переулка: реальная была на том углу, от которого надо было